

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Шекспир в русском культурном тезаурусе

Захаров Н. В. Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2008. 320 с.

Тема «Шекспир и русская литература» была сформулирована два века назад, многократно исследовалась как самыми крупными представителями русской словесности и литературной критики (Пушкиным, Белинским, Тургеневым), так и видными шекспироведами (с того момента, когда сложилось свое, русское шекспироведение, и до наших дней). На страницах многочисленных трудов, посвященных этой теме, можно найти термины «культ Шекспира», «шекспиризация», «шекспиризм» (последний был использован П. В. Анненковым для обозначения влияния Шекспира на Пушкина), использованные в настоящей монографии, написанной Н. В. Захаровым. В главах, прошедших перед глазами читателей, вся эта пестрая картина мнений, сопоставительных текстологических исследований, литературных фактов (пользуясь термином Ю. Н. Тынянова), культурных событий, версий (в том числе и зарубежных), накопившихся более чем за два столетия, со времени первых упоминаний о Шекспире в России, представлена необычайно подробно, с редкой добросовестностью и желанием не упустить из виду даже мелочи, все собрано воедино, всему нашлось свое место. Уже этого одного было бы

достаточно, чтобы говорить о решении крупной научной задачи, актуальной не только для филологии, но и для других гуманитарных дисциплин — для культурологии, в ряде аспектов для социологии культуры, исторической психологии.

Но Н. В. Захаров выполнил работу гораздо более значимую. Там, где, казалось бы, почти все за два века сказано и трудно добавить что-нибудь существенное, ему удалось сделать (причем не на основе умозрительных заключений, а путем анализа привлеченного им огромного эмпирического материала) такие выводы, которые вполне справедливо можно назвать новым шагом вперед, новым взглядом на столь важную проблему.

Думается, это прежде всего связано с личностью автора монографии. Николай Владимирович Захаров изучает выбранную для книги тему всю свою научную жизнь. Получив филологическое образование в Петрозаводском государственном университете, славящемся высоким качеством подготовки специалистов, продолжив образование в США и Финляндии, он довольно необычно вошел в науку: если литературовед почти всегда начинает с публикации маленьких работ, тезисов, статей и спустя годы публикует первую монографию, Н. В. Захаров, вслед за публикацией нескольких пробных статей, в 2003 г. в Финляндии опубликовал обширный труд «Шекспир в творческой эволюции Пушки-

на». Работа, отмеченная тонким анализом, значимостью и обоснованностью выводов, была замечена как пушкиноведами, так и шекспироведами. За последующие годы Н. В. Захаров опубликовал большое количество работ (только о Шекспире более 100).

За эти годы у Н. В. Захарова сформировалась новая концепция вхождения Шекспира в русский культурный тезаурус. Появилось само слово «тезаурус» вместе с тезаурусным подходом, в развитие которого он внес большой вклад. Новая методология филологического исследования позволила уже известные ученому факты интерпретировать иначе, чем они были представлены не только в чужих трудах, но и в его собственном исследовании «финского периода», если так можно выразиться.

Ключевой момент в новой концепции Захарова — наделение понятий, употреблявшихся как синонимы («культ Шекспира», «шекспиризация», «шекспиризм»), содержательными характеристиками, придавшими им терминологическую определенность. Более того, эти понятия составили определенную систему, с помощью которой можно понять исторический путь Шекспира и в русской, и в зарубежных литературах. При этом оказалось, что культ Шекспира — в большей мере социологическое и социально-психологическое понятие, означающее доходящее до преклонения восторженное отношение к великому драматургу, формирование существенной культурной константы в национальных культурных тезаурусах. В шекспиризации исследователь видит уже собственно филологическое явление, подтверждаемое текстами, другими конкретными литературными фактами. Она заключается в переходе от преклонения перед величием гения к широкому использованию в современной литературе (речь идет о современности для писателя, вовлеченного в шекспиризацию) образа Шекспира, персонажей его произведений, его сюжетов, способов построения произведения, шире — шекспировской поэтики, а также прямых или косвенных цитат, аллюзий. Наконец, шекспиризм исследователь

определяет как овладение шекспировским мировидением. Для нас это значит — овладение шекспировским масштабом, пониманием человека в ренессансных традициях титанизма, истории — как реализации подспудного могучего течения времени, мира — как безразличного спутника человечества.

Разделив названные понятия, Н. В. Захаров выдвигает вторую важнейшую идею своей концепции. Шекспиризация присуща Западной Европе (в работе подробно охарактеризованы соответствующие явления, особенно в немецкой литературе «Бури и натиска», в немецком романтизме, что вполне показательно для европейского культурного тезауруса в целом), в то время как шекспиризм — в большей мере явление русской литературы.

Эта идея заставляет задуматься. Нет ли здесь нефилологического момента, стремления противопоставить Россию и Европу, причем в пользу России, так как шекспиризм выглядит более высокой ступенью, фактически философской, в то время как шекспиризация подчас с трудом отличима от плагиата, но даже и в самых чистых своих проявлениях носит более формальный, чем содержательный характер (кстати, используемый исследователем тезаурусный подход подсказывает, что в таком противопоставлении России и Европы может проявиться специфика тезауруса самого исследователя, иначе говоря, это было бы вполне оправданно)?

Первое, что здесь надо отметить, — это доказательная база работы. Приведенный обширный материал показывает, что русской литературе действительно присущ шекспиризм в том понимании, которое заявлено автором. Кроме того, в работе применительно к русской литературе многократно используется и понятие «шекспиризация», иначе говоря, она не есть прерогатива только Запада, она характеризует и различные литературные факты русской словесности. В связи с этим неясен ответ только на один вопрос: действительно ли шекспиризм менее присущ Западу, чем России?

Поставленный вопрос не дает покоя. В самом деле, неужели В. Гюго, написавшему на

знамени французского романтизма имя Шекспира, не был присущ шекспиризм? Или творчество О. Бальзака, представителя реализма, не может характеризоваться этим понятием?

Вывод здесь, очевидно, такой: западные писатели, обратившись к Шекспиру как к модели литературного творчества, должны были решать другие задачи, чем те, которые стояли перед русской классической литературой. Вот почему нам представляется, что русская литература вполне естественно была связана с шекспиризмом, не пройдя мимо и шекспиризации (но не в масштабах Европы), а западноевропейские литературы в основном явили миру шекспиризацию как актуальную черту литературного процесса, не воспользовавшись (или не в полной мере воспользовавшись) потенциалом, заключенным в шекспиризме.

Это возвращает нас к работе Н. В. Захарова. Наряду с выделенными выше двумя идеями, придающими концепции ученого теоретический характер, обратим внимание на третью идею, придающую этой концепции исторический аспект. Речь идет о последовательном описании освоения творчества Шекспира русской культурой, классической литературой, которое так убедительно выполнено в работе.

Из этого описания, при всей пестроте фактов, названий, имен, дат, различных исследовательских концепций, культурного контекста и т. д., складывается достаточно цельная картина.

Первые этапы, связанные с именами А. П. Сумарокова, Екатерины II, позже с Н. М. Карамзиным и другими деятелями культуры XVIII в., свидетельствуют о первом знакомстве, первоначальной русской переработке шекспировского материала, формировании культа Шекспира (не имевшего такого размаха, как, например, в Германии), все большем распространении шекспиризации.

На рубеже веков нарастают и черты шекспиризма. Свой вклад в этот процесс внесли В. А. Жуковский, В. К. Кюхельбекер. Но исключительную, центральную роль в нем сыграл А. С. Пушкин примерно за десять лет с середины 1820-х до первой половины 1830-х го-

дов. В его творчестве шекспиризация и шекспиризм в русской литературе достигли полного единства и необычайной продуктивности.

Собственно, поэтому материал о Пушкине занимает в монографии Н. В. Захарова несколько глав. Более высокой точки в развитии шекспиризма в русской культуре не было ни раньше, ни позже Пушкина. Думается, во многом это объясняется «всемирностью» гения Пушкина, что Н. В. Захаров изучал в ряде публикаций. Но, очевидно, есть и внешние причины. Они — в эпохе, по праву получившей название пушкинской. Характерная черта предыдущих эпох — зависимость русской культуры после реформ Петра I от иностранных образцов, сначала голландских, потом немецких, затем французских. Менее проявленным и несколько «запоздавшим» было английское влияние. Французская гегемония была наиболее всеохватывающей. Привилегированные слои общества говорили по-французски (так, и у Пушкина в детстве первым языком был французский), царила французская мода, иначе говоря, франкомания проникла в быт.

А что же литература? Любопытно, что при всей значимости французских образцов подражание им в России не привело к выдающимся художественным свершениям. Нужно учитывать, что французская литература сама по себе присутствовала в русской культуре, где образованные слои общества говорили, читали, думали, видели сны по-французски.

Французская литература была образцом для русской литературы не только в XVIII в., но и несколько десятилетий в XIX в. Не следует видеть здесь свидетельство приниженности русской литературы: это, напротив, константа в развитии литературных тезаурусов, и основные литературы мира (подавно и более мелкие) имели концентры влияний. Так что это положение как раз традиционно. Образцом для римской литературы была греческая литература. Образцом для французской литературы XVI–XVIII вв. была римская (и через нее греческая) литература. Сам Шекспир был зависим от литературных образцов, черпая из сокровищниц

античной, французской, староанглийской и других литератур сюжеты и образы своих произведений. Но это не помешало сложиться таким великим литературам, как французская, итальянская, английская, испанская, немецкая.

В первые десятилетия XIX в. Пушкин и его современники решали задачу создания собственно русской литературы. Именно этим мы объясняем необходимость пушкинского шекспиризма. Шекспир не столько давал русской литературе модель литературного творчества, сколько освобождал ее от плена французского влияния.

Но проходят десятилетия, наступает новый этап развития русской литературы. Появляются писатели, которые создадут такой самобытный художественный мир, что уже они сами образуют модели литературного творчества для Европы и всего мира. Это И. С. Тургенев, первым признанный в таком качестве, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, а в самом начале XX в. еще и А. М. Горький. Можно согласиться с Н. В. Захаровым, что восприимчивым пушкинского шекспиризма в наибольшей степени стал Ф. М. Достоевский. Напротив, резкое неприятие Шекспира свойственно Л. Н. Толстому (статья «О Шекспире», 1903). Однако выясняется, что Толстой много раз прочел Шекспира, специально выучил английский язык настолько, чтобы читать его в подлиннике. Так что статья о Шекспире не должна восприниматься однозначно. В этой статье Л. Н. Толстой блестяще показал, что объяснение действий героев Шекспира с позиций обыденного «здорового смысла» не выдерживает никакой критики. Но остается сомнение, с этих ли позиций надо рассматривать Шекспира.

Между прочим, еще раньше И. С. Тургенев в статье «Гамлет и Дон Кихот» тоже выступил

с антигамлетовских, а значит, в чем-то антишекспировских, позиций. В его культурном тезаурусе Гамлет слился с «лишними людьми» русской литературы и русской действительности, которым в этой самой действительности уже противостояли «новые люди», что успел первым рассмотреть великий писатель.

Говорить о шекспиризме названных великих русских писателей (за исключением Ф. М. Достоевского) было бы, наверное, неточным. Но все они вобрали в себя шекспиризм как пушкинское наследие и в его понимании.

А что же Шекспир? Какова в таком случае его судьба в России начиная с середины XIX в.? Н. В. Захаров дает замечательный, разнообразный материал, который показывает: Шекспира переводят, переводы эти (в том числе и полные собрания сочинений) множатся, его пьесы ставят и в столицах, и в провинциальных театрах, композиторы пишут музыку к спектаклям или симфонические поэмы, балеты, в XX в. снимаются фильмы... Шекспир стал тем самым Русским Шекспиром, о котором говорит Н. В. Захаров (разработавший в том числе электронный ресурс «Русский Шекспир», за которым последовал «Мир Шекспира», как и первый, поддержанный РГНФ). Шекспир сам стал выступать в своей роли наравне с русскими классиками. Тезаурусный подход открыл проблему русских зарубежных писателей (и зарубежных русских писателей), показав, что некоторым великим писателям удается так глубоко укорениться в иноязычной, совсем другой культуре, что их можно назвать и представителями этой культуры. Таких фигур немного. Это константы культурных тезаурусов. Если говорить о России, то на первом месте в этом ряду может быть назван Русский Шекспир.

*Вл. А. Луков**

* Луков Владимир Андреевич — директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель искусств РФ, академик Международной академии наук (IAS, Инсбрук) и Международной академии наук педагогического образования. Тел.: (495) 374-75-95. Эл. адрес: lookoff@mail.ru